

УДК 821.161.1 КАЗАКОВ. 09

СОЦИАЛЬНОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ В КОНФЛИКТАХ РАССКАЗОВ ЮРИЯ КАЗАКОВА 1950–1960-Х гг.

© 2010 Ю.Н. Пенкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 марта 2009 года

Аннотация: В статье на примере нескольких рассказов показано, что все внимание писателя сосредоточено на внутреннем мире человека, которое определяется его внешним, социальным статусом. Внутренний мир одного из героев определен социальным, у другого участника конфликта другие жизненные ценности.

Ключевые слова: Казаков, герой, событие-переживание, рассказ, конфликт, разрушение человека.

Abstract: In clause on an example of several stories it is shown, that all attention of the writer is concentrated to a private world of the person which is defined by its external, social status. The private world of one of heroes is certain social, at other participant of the conflict other vital values.

Key words: Kazakov, the hero, event-experience, the story, the conflict, destruction of the person.

«Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себе все, что хотите — и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет, дробит жизнь по мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни. Соедините эти листки под один переплет, и какая обширная книга, какой огромный роман, какая многосложная поэма составила бы из них!.. Как бы хорошо шло к этой книге заглавие: «Человек и жизнь»!..» [1] Так писал В.Г. Белинский о жанре повести (в то время термин повесть включал в себя понятие рассказа).

Именно такую книгу под названием «Человек и жизнь» создал своим творчеством Ю. Казаков. Все написанное им свидетельствует о незаурядности его творческого видения, вни-

мание художника сосредоточено на внутренних конфликтах, а не на исключительных событиях и обстоятельствах.

Отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы», Юрий Казаков заметил: «Опыт мой, вероятно, тот же, что и у большинства моих сверстников. В детстве и юности — война, жизнь мрачная и голодная, затем учеба, работа и опять учеба... Словом, опыт не особенно разнообразен. Но я склонен отдавать предпочтение биографии внутренней. Для писателя она особенно важна. Человек с богатой внутренней биографией может возвыситься до выражения эпохи в своем творчестве, прожив в то же время жизнь, бедную внешними событиями...» [2].

В 1954 году Юрий Казаков напишет небольшой, в несколько страниц, рассказ «На полустанке». На маленькой и заброшенной станции Лунданка в холодный осенний день в ожидании поезда прощаются парень и девушка. Неожиданно для самого себя на соревнованиях штангистов парень «жиманул» [3] норму мастера спорта и теперь покидает родной дом («дом пускай матери с сестрой достается, не жалко» (с. 36)), оставляет девушку в ожидании легкой и красивой жизни в городе («сейчас мне тренера дадут, опять же,

квартиру. За границу ездить буду, житуха начнется — дай бог!» (36)).

Писатель крайне лаконичен, рисуя внешность героя («вихрастый рябой парень, с грубым, тяжелым и плоским лицом», «поглаживал подбородок красной короткопалой рукой» (с. 35), неприязненно увидено и «белое хрящеватое ухо парня» (с. 36)). Еще меньше подробностей в портрете девушки. Только припухшие «тоскующие темные глаза» (с. 35), бледное и усталое лицо говорят о том, как тяжело ей дается это расставание.

Но, как свидетельствует дальнейшее повествование, перед нами тот случай, вместивший, как отметил В.Г. Белинский, «события... которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века». Уже в раннем творчестве Ю. Казакова проступила эта важная особенность его дарования — умение разворачивать в небольшом повествовательном материале глубокие жизненные коллизии. Именно поэтому ему удалось словно бы заново открыть в 1960-е годы для своих читателей короткий, внешне бесфабульный рассказ, традиционный для русской классической литературы.

Преемственные связи отчетливо проявляются в движении жанров. Рассказ — наиболее удобная повествовательная форма для воплощения лирического отражения действительности. «В пестрой и разнообразной картине движения современного лирического рассказа обращает на себя внимание тенденция, которая представляется наиболее перспективной. Это тесное взаимодействие лирического освоения мира с эпическим, это то лирическое начало, которое не разрушает эпического отражения действительности, а, взаимодействуя с ним, способствует наиболее яркому его выявлению» [4].

Взаимодействие разных родовых начал обуславливает все элементы поэтики лирического повествования начала 1960-х гг., но с существенной временной коррекцией. Для молодого писателя эпическое пока еще не отделено от социального. Социальный статус героя, ориентация на социальные ценности определяют поведение его героев.

В рассказе «На полустанке» организующим повествование началом является не фабульное, житейское событие в жизни героев (расставание), а событием становится его переживание. Все внимание Ю. Казакова сосредоточено на внутреннем мире человека, которое, как мы увидим ниже, определяется его внешним, социальным статусом. Конфликтная ситуация в ранних рассказах определяется принадлежностью героев к разным бытийным пластам. Внутренний мир одного из героев (как правило, это герой) целиком определен социальным, другой участник конфликта меряет свою жизнь иными ценностями.

В композиционной структуре рассказов Ю. Казакова начало и конец так же, как и в поэзии, являются определяющими. Начало его рассказов, как правило, сразу вводит читателя в суть происходящего: нет пространных описаний портрета персонажей, их прошлого. Складывается такое ощущение, что повествователь становится случайным свидетелем эпизода из жизни героев. И поскольку в рассказах Ю. Казакова речь идет не об оценке поступков героев «со стороны», но всегда предпринимается попытка понять их причины, но нередко возникает ситуация разного истолкования внутреннего, глубинного смысла произведения.

Вот как видит Я.Э. Эльсберг героя рассказа «На полустанке»: «С любящей его девушкой он рвет зло и трусливо в последнюю минуту, уже стоя на подножке вагона. И хотя Казаков прямо от себя не дает никакой оценки поведению этого персонажа, тем не менее рассказ передает презрение писателя» [5]. Внешне рассказ дает основания для такого истолкования. Но при более детальном анализе можно увидеть то, что не было отмечено Я.Э. Эльсбергом. Хотя авторское отношение к происходящему явно не выражено, но можно с уверенностью утверждать одно — Ю. Казаков хочет увидеть обоих героев, понять причины их поступков. Дело не в том, чтобы спровоцировать читателя на однозначную оценку: этот герой плохой, а этот хороший. Автор хочет заставить читателя думать вместе с автором. Неожиданная концовка заставляет пораженного развязкой читателя мысленно вернуться к началу рассказа и заново проследить все терзания героев.

Все в рассказе говорит о том, что на протяжении всего времени повествования тяжело обоим. На это указывает и погода («дул резкий северный ветер» /с. 35/), и время года («была пасмурная холодная осень», «листья крутились по сырой земле, попадали в лужи»), и цветовая гамма («низкое бревенчатое здание небольшой станции почернело от дождей», «грязные ботинки»), и поведение героев (парень «угрюмо смотрел в землю», девушка «терпеливо переступала короткими ногами» (там же), он «покосился», «кашлянул», «тяжело повернул голову» (с. 36), девушка «говорила, путаясь и торопясь», «быстро сказала» (с. 37), парень «сильно втянул в себя воздух» (с. 39) и т. д.).

В рассказе нет разрешения конфликтной ситуации в традиционном смысле, как нет и четко сформулированного фабульного столкновения героев. Изначально ясно лишь одно: девушка любит, парень не отвечает ей взаимностью, независимо от того, уедет он в город или нет. Более того, нельзя сказать, что героиня не догадывается об исходе прощания. Следовательно, уже фабуль-

ный анализ убеждает, что Ю. Казаков в основу конфликтной ситуации рассказа кладет разные чувства героев, апеллирует не к сиюминутной ситуации, а к вечному сюжету неразделенной любви. Однако традиционная ситуация трактуется молодым художником несколько неожиданно. Парень уезжает не от девушки, он бежит из деревни к новой, «городской» жизни, которая обещает ему много новых радостей. Девушка воспринимается препятствием на пути к ним.

Возвращается к этой теме (уход из деревни) Юрий Казаков и в другом произведении — «В город», написанном в том же году, что и рассказ «По дороге».

Еще до войны Василий Каманин попал на большое строительство и с тех пор мечтает уехать из деревни. Даже во сне он видит манящие огни городских парков, ресторанов, кинотеатров и стадионов. Несколько раз Василий продавал корову, собираясь совсем распрощаться с деревней, но жена уговаривала остаться. И Каманин оставался, но затаивал злобу на жену.

Жену Акулину Василий не любит давно. А теперь, когда она весной смертельно заболела, он ждет ее смерти («думал о жене, все больше уверяя себя, что скоро она помрет» [6]). Внешне Каманин неразговорчив, механически выполняет работу, а внутри у него все ликует: ведь скоро может осуществиться его заветная мечта о переезде в город.

Очень тонко и в едва уловимых штрихах раскрываются страшные мысли Василия.

«Домой приходил усталый, с бурым от солнца лицом, сел на лавку, упирался потрескавшимися ладонями в колени, смотрел исподлобья на жену.

Страшно похудевшая, с неистовым взглядом темных сухих глаз, но все еще красивая, Акулина подавала на стол. На лице ее выступала обильная испарина.

— Вася! — просила она. — Свези ты меня, ради Христа, в город! Свези! Помру я, должно, скоро... Мочи моей нету, больная я вся, Вася!

Василий молча хлебал суп, боясь взглянуть на жену, выдать затаенные свои мысли» (с. 141).

До конца обнажить все эгоистичные и жестокие черты главного героя помогает сцена, где Василий режет барана. Каждая деталь полна глубокого смысла: и то, как он «стал скручивать папироску кровяными пальцами, густо смачивая бумагу слюной и не отрывая взгляда от барана» (с. 147), и то, как «разрезав живот, из которого дохнуло паром, он вынул горячую печень, отрезал кусок и с хрустом сжевал, пачкая губы и подбородок кровью» (с. 147).

По такому случаю, как отъезд в город, Василий надел новую рубаху, побрился и умылся. Все мысли его теперь о другом, и равнодушен он к тому, что покидает знакомые и родные ему места.

Немаловажен тот факт, что в конце рассказа начинается параллельное изображение мыслей и чувств обоих героев.

« - Вася! — сказала Акулина. — Глянь-ка, красота какая... Помру я, должно, в городе. Больно уж жалко расставаться. Сердце давит <...> Она глядела и вспоминала всю свою жизнь в колхозе: и молодость, и замужество, и детей, любя все это еще сильнее и острее, зная, что, может быть, никогда больше не увидит родных мест и никого из своих близких. Слезы катились у нее по впалым щекам. Одного она хотела: умереть дома, на родине, и чтобы похоронили на своем кладбище» (с. 148).

И в корне противоположна реакция Каманина: «Василий тоже оглядел поля с темными стогами сена и с черными вспаханymi клинами, речку, потемневшие от дождей крыши деревни, сплюнул и промолчал <...> Василий же все понукал лошадь. Красное лицо его было напряженно-ожидаящим и радостным. Он думал о том, как, сдав жену в больницу, поедет на базар, продаст барана, заедет к родне и поедет потом в привокзальный ресторан... Ему будут прислуживать официантки в белых передничках и наколках, будет играть оркестр, будет пахнуть едой и дымом хороших папирос» (с. 148).

Реалии 1960-х годов, определяющие психологические переживания героев, Ю. Казаков анализирует и в рассказе «По дороге» (1960).

Снова уезжает из деревни Илья Снегирев в Сибирь, несмотря на то, что он «промучился там все лето в прошлом году, а вернулся осенью в злом разочаровании. Не понравилась ему барачная жизнь, и возненавидел он Сибирь с гнусом в тайге, с тонким, напряженным звуком «МАЗов» на дорогах» [7]. Но со временем «забылась обида на Сибирь, меркло все плохое, будто и не было его никогда» (с. 217).

Лишь накануне отъезда Илья «впервые замечает грустную нежность на лице матери и ее заплаканные глаза» (там же). Снегирев старается не подавать вида, что ему тоже грустно и печально. Но жесты, торопливые ответы на просьбы матери выдают внутреннее состояние героя («рот его ведет в сторону, все в нем замирает, но он выпячивает подбородок и приподнимает брови, делая спокойное лицо» (с. 218); «он сопит, глаза ему щиплет, в горле чешется» (с. 219)). И все же он уезжает.

Как всегда, проводив сына в далекий путь, мать «все идет, все не может повернуть назад. Слезы набегают ей на глаза, и она оттирает их концами косынки. Ей теперь не нужно сдерживаться, одна она в поле... «Господи! — думает она. — Не нужен им дом родной! Ездют, ездют, вся земля поднялась — *время какое ноне настало!* В

рубашоночке... бегал босый, беленький, царица небесная! А теперь эвон — полетел!..» (Курсив наш. — Ю.П.) (с. 219–220).

Размышления матери переключают читателя с фабульной основы рассказа на проблему, которая за ней встает. Что заставляет Илью Снегирева вновь и вновь покидать родной дом и единственно близкого человека? Ждут его в дальних краях трудные условия каждодневного труда, многое ему придется перенести. Но не останавливают его эти трудности, ведь «остается одна красота и мощь горных кряжей, неистовых нерусских рек, бетонных тяжелых контуров плотин...» (с.217). Что же это за *время такое настало*, что не видит Илья красоты родных мест, манят его дальние края?

Как видим, сюжеты произведений Юрия Казакова подсказаны повседневной жизнью, но легко вырываются в сферу социальной действительности, перемены в которой определяют мотивацию поступков сразу всех участников конфликта. В ранних рассказах писателя герои по-разному переживают одну и ту же ситуацию, оценивают ее с разных позиций. Особенно выразителен в этом отношении рассказ «В город». Для Каманина город — иная жизнь, манящая новизна городской, как ему кажется, легкой жизни. Для его жены поездка в город окрашена ожиданием неминуемого исхода ее болезни. Ее переживания переводят ситуацию в иной, онтологический план, недоступный Василию.

Как правило, у героев нет иллюзий в оценке ситуации. И герой, и героиня отдают себе отчет в истинном содержании происходящего. За рамки фабульной ситуации выходит автор, вместе с матерью Ильи Снегирева размышляющий над судьбами людей, которым стал обузой «дом родной». Открывшиеся социальные возможности они восприняли как освобождение от каких-либо обязательств по отношению и к родному дому, и к своим близким. Для писателя эта ситуация представляется драматической уже по одному тому, что ведет к разрушению человека. Портрет Василия Каманина, его негативные коннотации не оставляют сомнений в авторской оценке героя. Более того, финалы проанализированных рассказов

убеждают в том, что отчуждение между героями не сокращается, а нарастает, что сочувствия к чувствам другого человека у тех, кто рвется к «городской» жизни, не возникает в любых ситуациях. В ранних рассказах молодой писатель суммировал первые наблюдения над человеческой природой и ее деформациями. Внутренняя необратимость происходящего в сюжетах рассказов Ю. Казакова обеспечена нежеланием одного из героев выйти за пределы собственного переживания, его эгоистической сосредоточенностью на достижении собственных целей. Мысль о дефиците добра в мире, коренящегося в самой эгоистической природе человека, обеспечивает драматизм сюжетных коллизий ранних рассказов Ю. Казакова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. — т. I. — М. : ГИХЛ, 1948. — С. 112–113.
2. Казаков Ю.П. Двое в декабре / Ю.П. Казаков // Двое в декабре : рассказы. — М., 1966. — С. 251.
3. Казаков Ю.П. Легкая жизнь / Ю.П. Казаков Легкая жизнь : рассказы. — СПб., 2007. — С. 36. В дальнейшем ссылки на это издание произведений писателя даются с указанием страницы в тексте работы.
4. Заморий Т.П. Современный русский рассказ / Т.П. Заморий // Современный русский рассказ. — Киев, 1968. — С. 27.
5. Эльсберг Я.Э. Смена стилей в современном русском рассказе 1950–1960 годов (Антонов — Казаков — Шукшин) / Я.Э. Эльсберг // Смена литературных стилей. На материале русской литературы 19–20 веков. — М., 1974. — С. 186.
6. Казаков Ю.П. Поедемте в Лопшеньгу / Ю.П. Казаков Поедемте в Лопшеньгу. — М., 1983. — С. 141. В дальнейшем ссылки на это издание произведений писателя даются с указанием стр. в тексте работы.
7. Казаков Ю.П. Рассказы / Ю.П. Казаков — М., 1983. — С. 216. В дальнейшем ссылки на это издание произведений писателя даются с указанием стр. в тексте работы.

Пенкина Ю.Н.
Воронежский государственный университет.
Аспирант кафедры русской литературы XX века.
e-mail: jasmin1649@rambler.ru

Penkina Y.N.,
Voronezh State University
Post-graduate student, the Chair of Russian Literature
of XX century.